

Т.Г.Варшавская

Воспоминания об отце (Род Дерюгиных на Псковщине)

Два чувства дивно близки нам,
В них сердце обретает пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.
А.С.Пушкин

Эти всем хорошо известные пушкинские строки относятся как к тем, кто в революционные годы вынужден был не по своей воле навек покинуть родное гнездо, свою родину, горячо ими любимую, так и к нам, оставшимся жить на этой земле. Я с искренней любовью и глубоким уважением отношусь к Татьяне Георгиевне Варшавской (урожденной Дерюгиной), автору воспоминаний, которые печатаются ниже. Она была четвертым ребенком в семье Предводителя псковского дворянства Георгия Михайловича Дерюгина. Мать Татьяны Георгиевны, Татьяна Сергеевна (урожденная Тетерина), была правнучкой украинского гетмана Тетери. Их сыновья, Михаил, Владимир и Георгий, родились в России. Все дети особенно завидовали среднему, Георгию, родившемуся в родовом имении Колосовка Псковской губернии, расположенном в нескольких километрах от Изборска.

Сама Татьяна Георгиевна появилась на свет уже в эмиграции. В годы второй мировой войны Татьяна Георгиевна участвовала в движении Сопротивления, потом работала в ООН и ЮНЕСКО. Она лично знакома со многими русскими эмигрантами: Н. Берберовой, В. Некрасовым, А.И. Солженицыным и другими. Она прекрасный переводчик, знакомит западного читателя с трудами русских политических деятелей (М.С. Горбачева, В.С. Черномырдина и других). Сейчас Татьяна Георгиевна Варшавская живет в Швейцарии, в небольшом городке Ферней Вольтер.

Варшавская Татьяна Георгиевна (урожденная Дерюгина)

Здесь она отыскала могилу дочери Ф. М. Достоевского, Сони. Ежегодно приезжает Татьяна Георгиевна в родные края, родные по воспоминаниям, по духу, царившему в семье Дерюгиных во время вынужденной эмиграции. Она встречается с людьми, которые живут на этой земле (а некоторые еще помнят ее родителей), путешествует по местам, так знакомым ей по рассказам и семейным преданиям. Человек, отзывчивый на чужую боль и нужду, Татьяна Георгиевна, располагая самыми скромными средствами, постоянно находит возможность помочь детям в Пскове и в Изборске. Она лучший друг воскресной школы при Любятовской церкви и воскресной церковной школы в Изборске, где бывает в каждый свой приезд.

Однажды во время наших, к сожалению, нечастых, но очень душевных бесед я упомянула о своих учениках, звонивших мне из Франции, куда они переехали на постоянное жительство. Татьяна Георгиевна никак не могла понять и все спрашивала, зачем же они по собственной воле покинули Россию и что могут делать русские люди во Франции. Для нее, сохранившей и прекрасный русский язык, и внутреннюю культуру русского человека, а главное, безграничную любовь к русской земле, было совершенно непонятно, противостоит ли поведению русского человека, добровольно покинувшего Россию. И в каждом своем письме Татьяна Георгиевна с благодарностью и любовью вспоминает все места, которые посетила, всех людей, с которыми встречалась. Для нее нет лучше и краше земли, чем русская, добрее и лучше людей, чем ее

земляки. Печатаю ее воспоминания о своем отце, мы хотя бы отчасти выполняем свой долг перед славным родом Дерюгиных, представители которого олицетворяли себя гражданами России в самом высоком понимании этого слова. Они любили Россию, гордились своей родиной и делали все, чтобы прославить ее достойными делами, всей своей жизнью.

Т.Н. Кабинетская

Мой отец, Георгий Михайлович Дерюгин, родился в Пскове, в 1871 г. Он был действительным статским советником, членом Государственной Думы (фракция националистов). Отец также выполнял обязанности губернского земского гласного и был предводителем псковского дворянства. В свое время отец закончил юридический факультет С.-Петербургского университета, но жил он на Псковской земле, так как его родовым именем была Колосовка. Средний брат Георгий здесь и родился, чему впоследствии мы все очень завидовали, а старший, Михаил, - в Царском Селе, о чем всегда вспоминала моя мать Татьяна Сергеевна («В чудный майский день родился первенец Михаил»). Младший из братьев, Владимир, родился в клинике Отто в С.-Петербурге.

В имении было множество курганов и оставались камни с рунами. Георгий Михайлович был уверен, что его археологические знания позволят ему найти могилу Трувора, место которой предположительно определили уже в 30-е годы археологи из парижского музея этнографии. В экспонатах этого музея есть находки и из Колосовки. Дальнейшим разысканиям помешала первая мировая война.

Отец принадлежал к тем деятельным русским людям, которые стремились обустроить не только Россию, но в особенности ту землю, которой они владели. Он с детства знал всех крестьян, деятельно участвовал в земстве, построил школу, больницу. Его стараниями был разбит яблоневый сад, антоновские яблоки даже экспортировали в Швецию. [Ныне, к сожалению, этот сад почти исчез; сохранилась только прекрасная прямая аллея со старыми елями по обе

стороны. - Т.К.]. Для улучшения коневодства в Псковской губернии Георгий Михайлович завел орловских рысаков. [И большие конюшни, и больницу помнят не только старожилы, но и их дети. - Т.К.].

Вся эта кипучая деятельность на благо родной земли была связана и с его работой в Государственной Думе, где он был представителем Псковской губернии, и в Государственной канцелярии, где Георгий Михайлович заведовал департаментом финансов. Ни один государственный заем в то время не мог быть утвержден без его подписи.

Во время первой мировой войны мой отец был особоуполномоченным Думой на фронте в чине генерала (хотя и был штатским). В его задачи входила инспекция войск и ознакомление с положением солдат. В одном из старых номеров «Нивы» есть фотография Георгия Михайловича, осматривающего войска.

В 1917 г. Георгию Михайловичу пришлось бежать из России. Он никогда не покинул бы родину, если бы не красный террор в С.-Петербурге, где отец находился во время большевистского переворота. С помощью шведского посла он получил визу в Швецию, надеясь впоследствии продолжить борьбу против красных. Георгий Михайлович попал в последний поезд на Стокгольм. Не зная ни слова по-шведски, но со шведским паспортом, отец вынужден был выдавать себя за глухонемого. Могла его выдать и внешность что называется «настоящего барина». Семья - жена и трое малолетних детей (старшему Михаилу было четыре года) - оставалась в родном имении.

Красные приближались и к Колосовке, а с ними и кровавый разгул, но семья в ожидании отца отказывалась покидать насиженное гнездо, пока не появился посланный Георгием Михайловичем из Швеции его бывший адъютант и насильно, буквально на руках, не вынес семью из Колосовки. Мои родные спешно переоделись крестьянами и пробрались в Ригу, занятую немцами. Конечно, ничего, кроме одежды, захватить с собой не успели, да в деревне и не было никаких богатств. Драгоценности,

деньги, бумаги - все осталось в петербургском доме.

В Риге был голод. Мать пухла от недоедания, а мальчики лизали языком столы и плитку в надежде уловить хоть крошки еды. Оставив малолетних детей, Татьяна Сергеевна прокралась через линию фронта в поисках мужа. Она надеялась найти его следы в Колосовке, но увидела только разрушенное имение, сгоревший дотла дом и с большой опасностью для жизни вернулась в Ригу. Оттуда семья попала в Берлин, где и начался их горький безутешный эмигрантский путь.

С помощью Красного Креста в Дании, куда Георгий Михайлович направился к вдовствующей императрице Марии Федоровне, он разыскал семью и появился в Берлине. Безработный, с малыми детьми (в эмиграции родилась еще дочь Татьяна), в чужой и чуждой стране отец до последнего вздоха вспоминал родную Колосовку, своих деревенских друзей, с болью в сердце вспоминал весну на Псковщине, аллеи, пруд и старинный дуб в Колосовке, на который лазили детишки и откуда в ясный день можно было увидеть купола Псково-Печерской лавры. Дуб этот стоит до сих пор и охраняется как памятник старины. Правда, Георгий Михайлович считал, что ему было (тогда) 300 лет, а два года назад меня уверяли, что ему 600 лет, теперь же речь идет уже о 800!

Удивительно, что за столь короткий срок он состарился так быстро. Хотя современные темпы жизни очень быстрые, но все же...

Летом в Колосовку собирались наши родственники до 40 человек, с няньками, мамками, гувернантками. Ребята любили бегать босиком и играть в лапту с деревенскими детьми. Георгий Михайлович старался внушить своим детям бесконечную любовь к России, ее истории, культуре, литературе, природе. Это передалось даже Дерюгиным третьего поколения, родившимся уже в эмиграции.

Семья Дерюгиных, как и большинство эмигрантских семей в разрушенной и бедной послевоенной Германии, буквально нищенствовала. Не было денег даже на трамвай, не то что на выезд в Англию или Францию, о чем мечтали в семье. Немцы презирали русских беженцев, обездоленных и невостребованных. У кого была хоть малейшая возможность, уезжали из Германии, где в ту пору царили хаос, безработица, инфляция. Унижение Версальского договора русские воспринимали как свое собственное.

Мой отец, Георгий Михайлович Дерюгин, оставил завет нам, своим детям: «Русский человек не может принимать чужого гражданства, кроме американского и швейцарского. Это единственные страны, которые не воевали с Россией...»